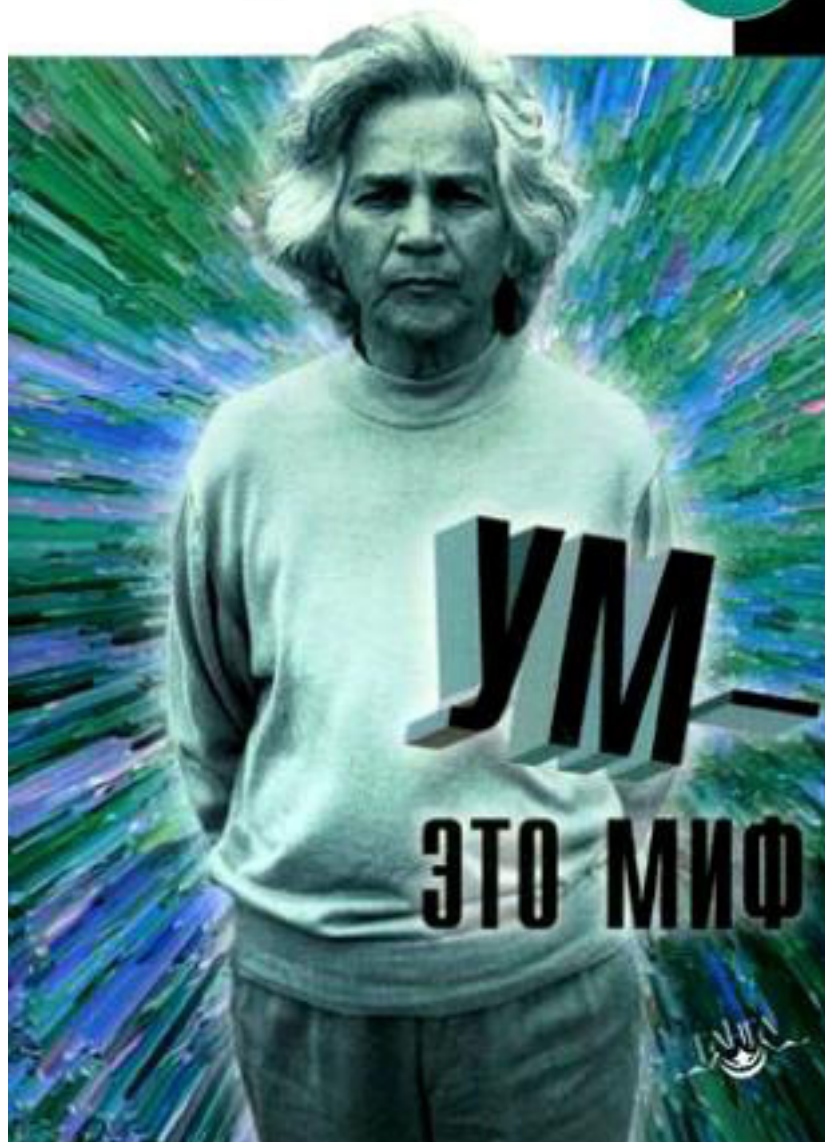

У. Г. Кришнамурти

Упалури Кришнамурти

Ум – это миф

«ИД Ганга»

Кришнамурти У. Г.

Ум – это миф / У. Г. Кришнамурти — «ИД Ганга»,

ISBN 978-5-98882-118-2

У. Г. Кришнамурти – наиболее радикальный и шокирующий учитель, не вписывающийся ни в одни существующие духовные и светские рамки и представления. В 49 лет с ним произошла грандиозная мутация, которая впечатляюще изменила его восприятие, работу всех его органов чувств и физиологию тела до уровня клеток и хромосом. Все накопленное знание было полностью выметено из него, в том числе и представление о независимом «я» и противостоящем ему обществе. В своих беседах У. Г. указывает с безжалостной прямоотой и непреклонной решимостью на единственного настоящего спасителя человечества – на эту парадоксальную свободу, которая одновременно является безропотной самостоятельностью и бесстрашным самоотречением. Он отвергает банальные и пыльные прописные истины науки, религии, политики и философии, проникая в самую суть вещей, и убедительно говорит самую сокрушительную правду, невзирая на последствия. В предыдущем сборнике бесед «Ошибка просветления» У. Г. Кришнамурти нанес удар по устоявшимся духовным и религиозным представлениям. В этой новой книге он еще решительнее расправляется с традиционными ценностями и мировоззрением, подвергая атаке цитадели наших самых заветных верований и устремлений.

ISBN 978-5-98882-118-2

© Кришнамурти У. Г.
© ИД Ганга

Содержание

Предисловие	5
Эта уверенность сметает все	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

У. Г. Кришнамурти

Ум – это миф. Беседы с У. Г. Кришнамурти

«Мое учение, если именно так вы хотите это называть, не охраняется никаким авторским правом. Вы можете воспроизводить, распространять, истолковывать, исказить его смысл, фальсифицировать, делать с ним что угодно, даже называть себя его автором без моего согласия или чьего бы то ни было разрешения».

«Никакая сила в мире не сможет свернуть человечество с пути тотального уничтожения. Мы, люди, причинили достаточно вреда этой планете. Мертвые люди принесут больше пользы, чем живые. Миллионы живых существ смогут питаться этими трупами. Даже если нас всех уничтожит ядерный холокост и в этой катастрофе выживут только тараканы, может быть, у них произойдет какая-нибудь мутация и жизнь на планете продолжится. В любом случае нас уже не будет.

То, что вы называете миром, – это не что иное, как подготовка к новой войне. Есть ли гармония в вас самих? Вы все время находитесь в конфликте. Вы все время выгадываете, на чью бы сторону встать. Вы обретете покой только тогда, когда умрете».

У. Г. Кришнамурти

Предисловие

В своем предыдущем сборнике бесед «Загадка просветления»¹ У. Г. Кришнамурти нанес удар по устоявшимся духовным и религиозным представлениям. В этой новой книге он еще решительнее расправляется с традиционными ценностями и мировоззрением, подвергая атаке цитадели наших самых заветных верований и устремлений. У У. Г. было все – красота, богатство, воспитание, слава, карьера, – но он отдал все это за то, чтобы найти ответ на мучивший его вопрос: *существует ли на самом деле свобода или просветление за всеми этими абстракциями, которыми нас забросали религии?* Он так и не получил ответа.

На такие вопросы ответов нет.

У. Г.: Если у вас есть вопросы, сведите их к одному – вашему вопросу, и тогда этот вопрос сдетонирует, взорвется и исчезнет. Останется только безотказно функционирующий биологический организм, свободный от помех и искажений думającego устройства, стремящегося к разделению.

Его бесстрашная решимость отбросить все накопленные знания и мудрость прошлого поистине изумляет. Он бесцеремонно сносит лживую надстройку, прогнившую в самой своей сердцевине, и *ничего не оставляет взамен*. У. Г., получая огромное удовольствие от акта тотального уничтожения, не дает своим слушателям *ничего*, вместо этого забирая у них все, что они с таким трудом и так бездумно накопили. Если, для того чтобы пришло что-то новое, все старое должно быть разрушено, то У. Г., без сомнения, – вестник нового человечества.

В обществе, которое является, как отметил Олдос Хаксли, организованным отсутствием любви, нет места для свободного человека, такого, как У. Г. Кришнамурти. Он не вписывается ни в одну известную социальную структуру, духовную или светскую. Такой человек, как У. Г.,

¹ У. Г. прокомментировал, что ее следовало бы назвать «Ошибка просветления». Издано под этим названием изд-ом «Ганга», 2010. – Прим. ред.

не может не угрожать обществу, которое использует своих членов как средство для поддержания своего существования, – неистовый разрушитель, которому нечего защищать, которому наплевать на благоприличие; у него нет последователей, которых нужно удовлетворять, и он говорит самую сокрушительную правду, невзирая на последствия.

У. Г. – «конченный» человек. Он ничего не ищет, и у него нет судьбы. Его жизнь состоит из серии несвязанных между собой событий. В его жизни нет центра, нет того, кто бы «жил» эту жизнь, «духа в машине». Остался только спокойно и бесперебойно функционирующий, исключительно разумный и чутко реагирующий биологический механизм, ничего более. Бесполезно искать признаки «я», души или эго; есть только функционирование сложного организма. Не удивительно, что такой «конченный» человек отвергает банальные и пыльные прописные истины науки, религии, политики и философии и проникает в самую суть вещей, излагая свои мысли просто, бесстрашно и убедительно каждому, кто желает его слушать.

Упалури Гопала Кришнамурти родился утром 9 июля 1918 г. в среднеобеспеченной семье брахманов в деревне Масулипатам, Южная Индия. Насколько нам известно, его рождение не сопровождалось никакими особенными событиями, небесными или прочими знаменениями. Его мать умерла от послеродового сепсиса через семь дней после рождения своего первого и единственного ребенка. Умирая, она попросила своего отца особенно заботиться о ребенке. При этом она сказала, что ее сына ожидает особенная, значительная судьба. Отец очень серьезно воспринял это предсказание и просьбу дочери и поклялся обеспечить мальчику все, что только может иметь богатый «принц»-брахман. Отец мальчика вскоре женился, оставив У. Г. на попечение бабушки и дедушки со стороны матери.

Дедушка, пламенный теософ, был знаком с Дж. Кришнамурти, Анни Безант, полковником Олкоттом и другими лидерами Теософского общества. У. Г. встречался с ними всеми в юности; годы его становления по большей части были связаны с Адьяром, всемирной штаб-квартирой Теософского общества в г. Ченнай, Индия. У. Г. так отзывается о том времени: *«Дом моего деда был всегда открыт для странствующих монахов, ученых, изучающих религию, пандитов, всевозможных гуру, махатм и свами. Там велись нескончаемые философские дискуссии, сравнивались религии, обсуждались оккультизм и метафизика. Все стены в доме были завешаны портретами знаменитых индуистских и теософских лидеров, особенно Дж... Кришнамурти».*

Одним словом, детство У. Г. прошло в религиозной атмосфере, среди философских курсов и под влиянием различных духовных деятелей. Все это очень интересовало мальчика. Он даже умолял одного странствующего гуру, который прибыл с огромной свитой из верблюдов, учеников и слуг, взять его с собой, чтобы он мог стать последователем его духовного учения. Дедушка брал маленького У. Г. с собой в поездки по всей Индии, они посещали святые места и святых людей, ашрамы, ритриты и учебные центры. Позже У. Г. провел семь лет в Гималаях, изучая классическую йогу со знаменитым мастером Свами Шиванандой. Именно тогда, в свои ранние годы, У. Г. начал чувствовать, что «что-то здесь не так», и это касалось всей религиозной традиции, в которую он был погружен почти с самого рождения. Однажды он напугал своего учителя йоги, властного, строгого и самоуверенного, когда обнаружил его тайком поедающим острые соленья, запрещенные для йогов. У. Г., будучи еще ребенком, спросил себя: *«Как этот человек может обманывать себя и других, притворяясь одним, а делая другое?»* Он бросил йогу, сохранив здоровый скептицизм в отношении всего, что касается духовности, до зрелого возраста.

Все больше и больше он хотел «делать все по-своему», ставя под сомнение чужие авторитеты. Порвав с традициями своего брахманского воспитания, он сорвал с себя священный шнур, символ религиозного наследия. Он стал молодым циником, отрицающим религиозные условности своей культуры и подвергающим все сомнению. Он выказывал все меньше и

меньше уважения религиозным институтам и обычаям, которым придавали столько значения в его семье и окружавшем его обществе.

Он научился трезво смотреть на вещи, и стал остро ощущать то, что позже описал как «лицемерие духовного бизнеса». В связи с этим бабушка говорила о нем, что у него «сердце мясника».

Все это дало ему достаточно времени, чтобы выработать огромную смелость и проникаемость, необходимую для того, чтобы отбросить все психологическое и генетическое содержание своего прошлого.

К двадцати одному году У. Г. стал квазиатеистом, изучая светскую западную философию и психологию в Мадрасском университете. В этот момент жизни один приятель посоветовал ему посетить знаменитого «Мудреца Аруначалы» Бхагавана Шри Раману Махарши в его *ашраме* в Тируваннамалае, расположенном к югу от Ченная. В 1939 г. У. Г. все же поехал к нему, но без особого желания. К тому моменту он был убежден, что все святые – шарлатаны и занимаются надувательством. Но, к его удивлению, Рамана Махарши оказался другим. Бхагаван, безмятежный, с сияющими глазами, воплощение мудрости и целостности, не мог не произвести сильного впечатления на молодого У. Г. Он редко отвечал тем, кто обращался к нему с вопросами. У. Г. обратился к Бхагавану с волнением и тревогой, задав Учителю три вопроса:

«*Есть ли просветление?*»

«Да, есть», – ответил Учитель.

«*Есть ли уровни у просветления?*»

Бхагаван ответил: «Нет, никаких уровней не может быть, оно одно. Либо ты там, либо нет».

В конце концов У. Г. спросил: «*Можете ли вы дать мне то, что называется просветлением?*»

Глядя серьезному юноше прямо в глаза, он ответил: «Да, я могу дать тебе его, *но можешь ли ты его взять?*» С этого момента У. Г. Кришнамурти преследовали эти слова, и он беспрестанно спрашивал себя: «*Что же это такое, чего я не могу взять?*» Он решил, не раздумывая, – что бы ни имел в виду Махарши, он «сможет это взять». Позже он признался, что эта встреча изменила направление его жизни и «вернула его на правильный путь». Он больше не встречался с Бхагаваном. Рамана Махарши неожиданно умер в 1951 г. от рака. Его считают одним из величайших мудрецов Индии всех времен.

К двадцати пяти годам проблемой для У. Г. стал секс. Несмотря на то что он периодически давал себе клятвы воздерживаться от секса, не думать о браке и вести жизнь монаха, в конечном итоге он пришел к выводу, что секс – это естественная потребность и подавлять ее неразумно. В конце концов, общество выработало законные способы удовлетворения этого желания. Он выбрал себе в жены одну из трех девушек, которых подобрала ему бабушка в качестве потенциальных невест. Позже он признался: «*Я проснулся утром после первой брачной ночи и понял, что, без всяких сомнений, я совершил самую большую ошибку в своей жизни*». Он прожил в браке семнадцать лет и стал отцом четырех детей.

С самого начала он не хотел оставаться в браке, но, так или иначе, дети продолжали рождаться, и семейная жизнь шла своим чередом. Его старший сын, Васант, заболел полиомиелитом, и У. Г. решил переехать с семьей в США, чтобы мальчик мог получать самое лучшее лечение. Он потратил на это почти все состояние, унаследованное от деда. Он надеялся дать жене высшее образование, найти ей работу и обеспечить ей финансовую независимость, чтобы он сам мог наконец уйти из семьи. Так он и сделал, найдя ей работу в WBE.

К тому времени деньги, полученные в наследство от деда, кончились; ему надоело быть оратором (сначала Теософского общества, затем в качестве независимого); его брак завершился, и он утратил интерес к тому, чтобы стремиться стать кем-то в этом мире. К сорока годам с небольшим он был один, без денег, забытый почти всеми своими друзьями и прия-

телями. И он начал скитаться – сначала поехал в Нью-Йорк, затем в Лондон, где вынужден был проводить все дни в Лондонской библиотеке, прячась от зимнего холода, и зарабатывать крохи кулинарными уроками по индийской кухне. Затем он поехал в Париж, где продолжал бесцельно скитаться. Позже У. Г. так вспоминал об этом периоде своей жизни:

«Я был словно лист, гонимый капризным ветром, – без прошлого, без будущего, без семьи, без работы, без какой бы то ни было духовной самореализации. Я медленно утрачивал волю к тому, чтобы делать хоть что-нибудь. Я не отвергал мир и не отрекался от него – он просто уплывал от меня, и я не мог и не хотел за него цепляться».

Одиноким, не имея ни гроша за душой, он приехал в Женеву – там у него на старом счете еще что-то оставалось. Этого хватило на несколько дней. Вскоре эти небольшие деньги тоже закончились, и он не мог больше платить за проживание. Ему некуда было больше идти. Он решил обратиться в индийское консульство в Женеве и попросить, чтобы его выслали в Индию. *«У меня больше не было денег, не было друзей, не было воли к чему бы то ни было. Я думал, что, по крайней мере, они не могут отказать мне в возвращении в Индию – ведь, в конце концов, я гражданин Индии. Я могу сидеть где-нибудь под баньяном, и может быть, кто-нибудь будет меня подкармливать».* Итак, в возрасте сорока пяти лет, неудачник в глазах всего мира, одинокий и без гроша за душой, он пошел в консульство и попросил о том, чтобы его вернули на родину. У него не было выбора. И этот эпизод стал поворотным моментом в его судьбе.

У. Г. вошел в индийское консульство в Женеве и начал рассказывать консулу свою печальную историю. Чем дальше он рассказывал, тем больше консул изумлялся. Вскоре все консульство притихло и зачарованно внимало его рассказу. Валентина де Кервен, секретарь и переводчик, тоже внимательно слушала. Ей было уже больше шестидесяти лет, она многое повидала на своем веку и почувствовала жалость к этому странному и притягательному человеку. Никто в консульстве не знал, что с ним делать, и Валентина решила приютить его у себя дома на несколько дней, пока консул что-нибудь не придумает.

Валентина, сама испытавшая в своей жизни много невзгод, прониклась сочувствием к нищему страннику и вскоре предложила ему дом в Европе. У нее было небольшое наследство и пенсия, и этого хватало на двоих. У. Г. не хотел возвращаться в Индию, где его ждало жалкое будущее, не хотел встречаться со своей семьей и знакомыми. Он с благодарностью принял предложение. Следующие четыре года (1963–1967) были безмятежным временем. Валентина бросила свою работу в консульстве и жила с У. Г., перемещаясь вместе с более подходящей погодой в Италию, Южную Францию, Париж и Швейцарию. Позже они стали зимовать в Южной Индии, где все было относительно дешево, а климат более мягким. Все эти годы У. Г., как он рассказал позже, ничего не делал. *«Я спал, читал журнал «Тайм», ел и гулял, с Валентиной или один. Больше ничего не делал».* Его поиск практически подошел к концу. Он никогда не говорил Валентине о сверхъестественных способностях, религиозном прошлом и духовных исканиях, которые так много значили в его жизни. Они просто и мирно жили, переезжая с места на место.

Они стали проводить лето в переделанной мансарде четырехсотлетнего дома-шалы в очаровательной швейцарской деревушке Саанен. Дж. Кришнамурти почему-то решил провести серию бесед и собраний в большом шатре, возведенном на окраине той же деревни. В маленькую деревеньку начали съезжаться духовные искатели, йоги, философы и интеллектуалы, как с Востока, так и с Запада, – все они ехали, чтобы послушать беседы Кришнамурти, провести или посетить занятия по йоге и поговорить на духовные и философские темы. У. Г. и Валентина старались держаться подальше от всего этого, не желая участвовать в этом событии, которое становилось все более и более масштабным и начинало напоминать балаган.

В такой обстановке У. Г. встретил свой сорок девятый день рождения. Задолго до этого *Каумара Нади*, известный и почитаемый астрологический «документ» в Ченнае, предсказал У. Г., что в это время с ним должно произойти что-то радикальное и совершенно неожиданное.

Когда У. Г. было 35 лет, у него начались сильные головные боли, которые периодически повторялись, и, не зная, что делать, он начал принимать большие количества кофе и аспирина, чтобы справиться с мучительной болью. В то же время в его организме неожиданно начался процесс омоложения. К сорока девяти годам он выглядел как семнадцати- или восемнадцатилетний юноша. В промежутках между приступами головной боли он испытывал необыкновенные ощущения. Как он позже описал их, он «чувствовал себя безголовым, как будто голова куда-то пропала». Одновременно с этими странными явлениями у него начали проявляться так называемые сверхъестественные способности, или, как он сам их называет, естественные человеческие способности и инстинкты. Бывало так, что человек входил в комнату, и У. Г., никогда раньше его не встречавший, видел все его прошлое и всю его жизнь, словно читая живую автобиографию. Он мог взглянуть на ладонь человека и тут же увидеть его судьбу. Все сверхъестественные способности начали постепенно проявляться у него после тридцати пяти лет. *«Я никогда не пользовался этими способностями в каких бы то ни было целях, они просто были. Я знал, что они не имеют большого значения, и просто не обращал на них внимания».*

С ним что-то происходило, и У. Г., опасаясь, что Валентина может счесть его сумасшедшим, ни слова не говорил ей об этих необычных изменениях (как, впрочем, и другим людям, по той же самой причине). Когда ему вот-вот должно было исполниться сорок девять лет, у него появилось то, что он позже назвал «панорамным зрением», при котором поле зрения разворачивается перед глазами почти на 360 градусов, а смотрящий, или наблюдатель, полностью исчезает, и окружающие предметы «проходят» прямо сквозь голову и тело. Весь организм, тогда еще не до конца известный У. Г., явно готовился к какой-то необычайно масштабной катастрофе или трансформации. У. Г. ничего не предпринимал.

Утром 9 июля 1967 г. (в этот день ему исполнилось сорок девять лет) У. Г. с приятелями пошел послушать беседу Дж. Кришнамурти, которая проходила в большом шатре на окраине Саанена, деревни, в которой У. Г. подписал контракт с издательством на издание его автобиографии. Работая над книгой, У. Г. дошел до описания своих отношений с Дж. Кришнамурти. Он почти уже не помнил, что он думал когда-то о пожилом почтенном «Учителе Мира», как его называли в Теософском обществе. Он уже много лет не общался с Дж. Кришнамурти и у него не было никакого определенного отношения к нему, поэтому он решил послушать утреннюю беседу, чтобы, по его словам, «освежить память». Во время беседы, слушая, как Дж. Кришнамурти описывает свободного человека, У. Г. внезапно осознал, что речь идет о нем самом.

«Какого черта я тут сижу и слушаю, как кто-то описывает меня и мои действия?»

Свобода в сознании перестала тогда быть чем-то «где-то там» или «извне», а просто стала тем (процессом), как он уже физиологически функционировал в тот самый момент. Это так сильно потрясло У. Г., что он, ошеломленный, вышел из шатра и побрел к своему дому, который находился на другой стороне долины. Подойдя к дому, он присел отдохнуть на скамейку, с которой открывался красивый вид на реки и горы долины Саанен. Сидя в одиночестве на скамейке и глядя на зеленую долину и скалистые вершины Оберланда, он подумал:

«Я всю жизнь искал ответ на вопрос: «Существует ли просветление?», но никогда не подвергал сомнению сам поиск, потому что считал само собой разумеющимся, что цель – просветление – существует. Я должен был его искать, и сам этот поиск душил меня и не давал мне прийти в мое естественное состояние. Нет ни психического, ни духовного просветления, потому что нет ни духа, ни психики. Всю свою жизнь я был дураком, ища то, чего не существует. Теперь мой поиск закончен».

В этот момент все вопросы исчезли, и У. Г. навсегда перестал действовать посредством разделяющей мыслительной структуры. Толика энергии проникла в его мозг по одному из

чувственных каналов и *осталась там без вмешательства ума*. Толика энергии, свободно вибрирующая, без интерпретации, без цензуры, не схваченная разделяющей, вытесняющей мыслительной структурой, – опасная вещь. Это сама суть внутренней анархии. Эта энергия, незатронутая мыслью (а мысль есть время), не может уйти, ей не вырваться из безмолвия. Образуется огромное молекулярное давление, которое может быть сброшено только взрывом. Этот взрыв разрушил в У. Г. всю мыслительную структуру, а вместе с ней и представление о независимом «я» и противостоящем ему обществе. Он словно дошел до конца коридора, который состоял из противоположностей; и причины, и следствия полностью исчезли. Катастрофа дошла до уровня клеток и хромосом. Она была не психологической, а физиологической по своей природе.

У. Г., потрясенный и растерянный, посмотрел на свое тело. Но в этот раз он смотрел на него без культурной обусловленности, которая идентифицировала его с описаниями: «мужчина», «индиец», «брахман», «духовный искатель», «путешественник», «оратор», «цивилизованный гражданин», «добродетельный человек» и т. д. Вместо всего этого он видел теплокровное млекопитающее, спокойное, безобидное – одетую обезьяну. Он был как грифельная доска, с которой стерли все написанное ранее; культурная обусловленность и «я» в мгновение ока бесследно исчезли. Осталась простая, вежливая и хорошо воспитанная обезьяна, осознающая, разумная и свободная от любых притязаний и эгоцентризма. Не имея ни малейшего представления о том, что произошло, У. Г. прошел несколько шагов до своего дома и лег на кровать.

В течение последующих часов он ощущал спазмы в разных частях тела, по большей части в мозге, нервных сплетениях и некоторых железах. Эти спазмы иногда ослабевали. В теле, которое больше не душили накопленные знания прошлого (разделяющая мыслительная структура), начала происходить полномасштабная мутация. Большие вздутия стали появляться в разных частях тела, включая области гипофиза, шишковидной и вилочковой желез, центра лба и передней части гортани. Глаза перестали моргать, и слезные протоки, до того бездействовавшие, начали функционировать, по-новому увлажняя глаза. Начались различные проявления *кундалини*, хотя У. Г. описывал их в исключительно физиологических терминах. Ежедневно происходило нечто вроде воспламенения или «ионизации» клеток, из-за чего температура тела поднималась до невероятных значений, а на теле выступал отчетливо видимый пепел. Подобно тому как выходит из строя компьютер, У. Г. несколько раз в день «выходил из строя», переживал процесс умирания, когда сердцебиение почти прекращалось, температура тела падала до минимально необходимой для поддержания жизни, все тело становилось одеревенелым и начиналась агония. И в момент, когда тело должно было впасть в состояние полной клинической смерти, оно каким-то образом «запускалось» вновь, пульс учащался, температура поднималась до нормальной, и тело начинало делать медленные потягивания, похожие на движения новорожденного. Через несколько минут У. Г. возвращался в нормальное состояние.

У. Г. называл свою необыкновенную мутацию «катастрофой». Для тела было страшным шоком, когда разрушилось и полностью исчезло подавляющее его устройство – разделяющая психическая структура. Больше не было того, кто тщательно проверял, сравнивал и сортировал все чувственные данные и использовал это тело для обеспечения своего собственного непрерывного существования. События стали несвязанными между собой и не имели отношения друг к другу. Чувства, освобожденные от «налета мысли», стали жить своей жизнью, а все полезное, что было в мыслях и воспитании, отошло на задний план, чтобы в нужный момент проявиться в сознании, не обремененном никакими сентиментальными или эмоциональными переживаниями, но лишь тогда, когда это необходимо для слаженного функционирования физического организма. Изменилась анатомия рук – теперь ладони были обращены назад, а не вдоль туловища. Тело стало телом гермафродита, являя собой идеальный союз мужского и женского начал. Такое тело обладает сексуальностью, которую мы даже представить себе не можем. Его правая сторона реагирует на женщин, а левая – по большей части

на мужчин. Естественный поток энергии через такое тело, который больше не перехватывается, не блокируется и не рассеивается мыслью, течет по позвоночнику через мозг и выходит из макушки. Его биологическая чувствительность (а другой чувствительности и нет) была настолько остра, что движения небесных тел, а в особенности Луны, имели на него заметное и сильное влияние. Как говорил У. Г., *«быть любящим не означает потребность демонстративно и навязчиво касаться других, но, скорее, что тебя касается всё»*.

Эти необыкновенные физиологические перемены продолжались несколько лет. У. Г. был настолько ошеломлен тем, что с ним происходило, что не разговаривал целый год после «катастрофы». Мутация была настолько глубокой, что ему пришлось практически заново учиться думать и разговаривать.

Примерно через год к нему вернулись все коммуникативные способности, но он все еще молчал. *«Что можно сказать после такого?»* – спрашивал он себя. Однажды ответ пришел к нему, как озарение: *«Я буду рассказывать об этом, буду говорить, как есть»*. И с того момента он проводил беседы, если не считать перерыва на год в конце 1970-х. Вот как У. Г. рассказывал об этом: *«Я не знал, что со мной происходит. У меня не было никакой точки соотнесения. Я каким-то образом умер и снова вернулся к жизни, и слава Богу. Это произошло помимо моей воли и вопреки моему религиозному прошлому, и это чудо. Меня нельзя использовать как образец для подражания»*.

То, что У. Г. описывает, – его естественное состояние, и этим он не предлагает новый образ жизни, потому что на самом деле «другой образ жизни» для нас означает добывание того, что мы хотим, другим способом. Здесь, где находится У. Г., нет никаких желаний, помимо простой потребности в выживании и продолжении рода. Здесь нет желания получать что-то от других людей, разве что когда это диктуют базовые потребности организма. Все психологические и духовные нужды безосновательны. Вот обезоруживающее послание У. Г.: *«Если вы хотите с его помощью добиться психологического удовлетворения или приобрести какую-то духовную ценность, значит, вы не поняли сути»*.

По этой причине У. Г. не основывал никаких школ, ашрамов и центров медитации. У него не было учения, которое он мог бы защищать или распространять, не было последователей, он не проводил публичных лекций, не выступал с трибуны, не писал священных текстов, не давал никаких практик или садхан и не предлагал никаких решений накопившихся человеческих проблем. Он был простым гражданином, жившим в доме у дороги; проводил неформальные беседы со всеми, кто приходил к нему, независимо от причин, по которым они приходили. Он никого не зазывал к себе и никого не гнал прочь. Его жизнь и учение «начертаны на воде», и любые попытки сохранить, облагородить или превратить то, что он говорит, в установление, – это отрицание всего того, что он так бесстрашно утверждал, и, следовательно, абсурдно.

«Мне нечего сказать человечеству, – говорит У. Г., – но насчет одного я твердо уверен: я не могу помочь вам решить вашу основную дилемму или спасти вас от самообмана, а если я не могу вам помочь, то и никто не может».

Этот сборник бесед познакомит читателей с необычным человеком, человеком настолько неиспорченным, что он отказался от высокой роли освободителя или мирового учителя, указав вместо этого с безжалостной прямоотой и непреклонной решимостью на единственного настоящего спасителя человечества – на эту парадоксальную свободу, которая одновременно является безропотной самостоятельностью и бесстрашным самоотречением.

Эта уверенность сметает все

У. Г.: Я никогда не мог сидеть на сцене и говорить. Это слишком искусственно. Вести дискуссии по гипотетическим или абстрактным вопросам – пустая трата времени. Сердитый человек не может просто сидеть и спокойно рассуждать о гневе – он слишком сердит для этого. Так что не говорите мне, что у вас кризис, что вы сердитесь. Зачем говорить о гневе? Вы живете и умираете, не переставая надеяться, что однажды вы вдруг перестанете сердиться. Вас отягощает эта надежда, и, когда вы теряете надежду в этой жизни, вы выдумываете будущую жизнь. Никаких будущих жизней не будет.

Вопрос: Ну хорошо, ваши речи не дают никому надежду – это точно. Так зачем же вы тогда выступаете – разве не для того, чтобы утешить или научить кого-то?

У. Г.: Что я, по-вашему, должен делать? Вы приходите, я говорю. Вы хотите, чтобы я вас тоже критиковал? Это бесполезно, потому что вас ничто не проймает. Вы окружили себя непроницаемой броней и ничего не чувствуете.

Вы неспособны осознать свое положение, вы реагируете менталом – своими идеями и измышлениями. Ваша реакция – это мысль. Боль, которую вы чувствуете там, четко отражается здесь, без всякой необходимости переживать боль. Здесь нет никаких переживаний. Их нет вообще. В этом естественном состоянии ты ощущаешь чужую боль независимо от того, знаешь ты этого человека или нет. Недавно мой старший сын умирал от рака в больнице неподалеку. Я часто навещал его. Знакомые говорили, что я все время испытывал сильную боль, пока он не умер. Я не могу ничего с этим сделать. Эта боль – еще одно проявление жизни. Они хотели, чтобы я попытался как-то вылечить его от рака. Если я буду трогать эту опухоль, она будет только расти, потому что я буду прибавлять ей жизни. Рак – это размножение клеток, еще одно проявление жизни. Что бы я ни делал, опухоль будет только становиться сильнее.

В.: Значит, вы воспринимаете чужие страдания, но сами свободны от них, так?

У. Г.: Страдание – это переживание, а здесь нет переживаний. Жизнь устроена не так, что она отдельно, а вы отдельно. Жизнь – это единое движение, и все, что я могу о ней сказать, может только запутать, дезориентировать вас. Вы не есть «кто-то» или «что-то», вы не какой-то отдельный предмет, окруженный другими предметами. Единое движение – не нечто, что ты можешь пережить.

В.: Но мысль о том, что можно жить, не переживая, звучит иррационально для ума.

У. Г.: То, что я говорю, вступает в противоречие с вашей логикой. Вы используете логику, чтобы поддерживать эту разделяющую структуру, вот и все. Ваши вопросы – это опять мысли, они являются реакциями. Все мысли – это реакции. Вы отчаянно защищаете эту броню, этот щит из мыслей, и боитесь, что движение жизни вдребезги разобьет ваши границы. Жизнь подобна реке в половодье, затопляющей берега, стремящейся вырваться из своих пределов. Ваша мыслительная структура и физиология ограничены, но сама жизнь не ограничена ничем. Поэтому свобода причиняет боль телу; мощнейший выброс энергии, который происходит при этом, причиняет боль телу, взрывая каждую клетку. Вы даже представить себе не можете, что это такое. Поэтому мои слова могут только дезориентировать вас, независимо от того, как я это скажу.

В.: Гуру и священники тоже говорят, что разделяющей структуры нет и что она – источник наших проблем. Чем же вы отличаетесь от них?

У. Г.: Для вас (и для них тоже) это всего лишь слова, и ваша вера в единое движение жизни ни на чем не основана, в ней нет уверенности. Вы сейчас ловко привели в качестве довода слова ваших гуру и священников. Ваша вера – результат слепого приятия того, что вам говорят авторитетные для вас люди, всяких истин из вторых рук. Вы не отделяете себя от своих верований. Когда вашим драгоценным верованиям и иллюзиям приходит конец, вам тоже приходит конец. Я всего лишь отвечаю на ваше страдание, которое вы выражаете своими вопросами, логическими аргументами и другими измышлениями.

В.: Но вы же сидите здесь и говорите часами, разве это не указывает на то, что вам есть что сказать, что у вас есть какая-то философия, даже если ваши слушатели ее не понимают?

У. Г.: Совсе нет. Здесь нет никого, кто мог бы говорить, давать советы, ощущать боль и вообще переживать что-либо. Как мяч, который кидают в стену, – он просто отлетает от стены, и все. То, что я говорю, – непосредственный результат того, что вы спрашиваете. У меня нет ничего своего, никакой явной или скрытой программы. Мне нечего продавать, нечего доказывать, у меня нет никаких личных целей.

В.: Но наши тела смертны, и мы надеемся на некое бессмертие. Поэтому мы обращаемся к высшей философии, религии, духовности. Конечно, если мы...

У. Г.: Тело как раз бессмертно. Оно просто меняет форму после клинической смерти, оставаясь в круговороте жизни в измененном виде. Тело не интересуется никакой «жизнью после жизни», никаким постоянством. Оно стремится выжить и размножиться прямо сейчас. Воображаемое «посмертие», созданное мыслью из страха, на самом деле является желанием повторения, переживания одного и того же, только в видоизмененной форме. Это желание повторения одного и того же, по сути, есть желание постоянства. Такое постоянство чуждо телу. Мысль желает постоянства, но это желание мысли зажимает тело и искажает восприятие. Мысль видит себя не только гарантом продолжения своей собственной непрерывности, но также гарантом непрерывности существования тела. Обе эти непрерывности абсолютно ложны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.